

Кочубей Б. Воплощенная свобода

English version: [Kotchoubey B. Embodied freedom](#)

Институт медицинской психологии и нейробиологии поведения, Эберхардт-Карлс-Университет Тюбингена, Тюбинген, ФРГ

[Сведения об авторе](#)
[Ссылка для цитирования](#)

В то время как философия и естествознание (последнее – по крайней мере со времен развития квантовой механики и общей теории систем) не видят оснований для принципиального противопоставления идей причинности и свободы, обыденное сознание (включая обыденное сознание научных работников) по-прежнему рассматривает эти две идеи как сущностно несовместимые. Для странного и внезапного обострения дискуссии по проблеме «детерминизм или свобода воли» в последние годы не видно никаких научных оснований. Для объяснения этого факта необходимо обратиться к биологическим основаниям свободы действия. На самом базальном уровне свобода является необходимым следствием усложнения поведения животных, то есть можно показать, что сложное поведение по необходимости свободно. Этот анализ ведет к переопределению понятия свободы (и тесно связанных с ним понятий ценности и ответственности), по сравнению с теми определениями, которые можно найти в современной психологической литературе. Современная дискуссия «детерминизм или свобода воли» обусловлена, по-видимому, тем, что эти понятия (свобода, ценность и ответственность) действительно противоречат – но не естествознанию, а определенной и весьма распространенной картине мира как (в принципе) познаваемой, рациональной и просчитываемой среды.

Ключевые слова: действие, детерминизм, движение, ответственность, свобода, степени свободы, ценности

С тех пор как Ницше провозгласил: «Бог мертв!», одним из любимых игрищ философов стало обоснование того, что чего-либо *не существует*. Положение читателя современной философской литературы удивительно напоминает старую добрую картину советского продовольственного магазина (читателям до 35 лет следует попросить старших объяснить им, что это такое). Спрашивал ли покупатель о мясе или свежих овощах, о рыбе или твороге, на все вопросы следовал один ответ: «Нету!». И действительно – «что это у вас, чего не спросишь, ничего нету»^[1]. Нет ни субъекта, ни объекта; ни личности, ни объективного мира; ни истины, ни добра, ни красоты. Нет ничего, о чем нельзя было бы сказать (и доказать), что этого нету. И уж, конечно, нет свободы воли.

Когда психолог говорит о свободе воли, он может иметь в виду две, на первый взгляд разные, вещи. Во-первых, это структура того, что называется произвольным действием; во-вторых, это мнения и убеждения людей относительно проблемы свободы воли, причинности и детерминизма, а также связи этих убеждений с личностными чертами, социальными установками и проч. В процессе этого рассказа мы увидим, что эти две вещи кажутся разными только на первый взгляд, тогда как в действительности они тесно связаны друг с другом. Поэтому с какой бы из них мы ни начали, мы придем к другой.

Что касается второго, более социального аспекта проблемы (то есть установок людей по отношению к проблеме свободы воли и родственным проблемам), бросается в глаза одна любопытная черта. В истории философии широко представлены так называемые теории компатибилизма, утверждающие, что (правильно понятая) свобода человека не противоречит причинной обусловленности мира (см., например: [Frankfurt, 1971; Pauen, 2004; Sappington, 1990]). В обыденном же сознании (включая,

разумеется, обыденное сознание научных работников) компатибилизм практически отсутствует. По моим собственным данным (полученным на выборке из 78 молодых ученых – медиков и психологов с уровнем интеллекта IQ (Векслер) > 120), вера в причинность коррелирует с верой в принципиальную предсказуемость явлений на уровне 0,78, и оба признака коррелируют с верой в свободу воли на уровне – 0,92 (причинность) и – 0,67 (предсказуемость). Сходные данные имеются и в литературе [Hodgson, 2005; Roskies, 2006; Sappington, 1990], показывая, что большинство людей являются, пользуясь философским техническим термином, инкомпатибилистами – они могут верить либо в необходимость (и тогда в предсказуемость явлений), либо в свободу. *Tertium non datur*.

Не кто-нибудь, а бывший директор Макс-Планк-Института Психологических Исследований в Мюнхене Вольфганг Принц ответил на вопрос о том, подтверждают ли психофизиологические эксперименты факт детерминированности поведения человека, следующим образом: «Да. Но, чтобы понять, что мы детерминированы, нам эти эксперименты не нужны. Идея свободного поведения человека принципиально несовместима с научным мышлением. Наука исходит из того, что все, что происходит, причинно обусловлено, и что эти причины могут быть найдены. Я не способен понять, как кто-либо, работающий в эмпирической науке, может верить в возможность свободного, то есть недетерминированного, поведения» [Prinz, 2004].

Интересно также, с какой серьезностью воспринимаются в этой области знания рассуждения, на которые в любой соседней области, скорее всего, не обратили бы внимания. Так, в качестве едва ли не важнейших обсуждаются в мировой литературе аргументы, суммированные в ставшей бестселлером книге Wegner [2002], об иллюзорных эффектах сознательного воления. Действительно, психологические эксперименты часто раскрывают факты иллюзий, когда испытуемый приписывает «своей воле» действие, исходящее из совсем других источников (например, гипнотическое внушение). Точно также экспериментальная литература полна сведений об иллюзиях восприятия и памяти, например, конфабуляциях и псевдореминисценциях [Erdelyi, 2006; Loftus, 1997]. Но психолога, который бы на основании этих фактов заявил бы: «Значит, восприятия нет!» или «Памяти не существует!», в среде профессионалов тотчас же подвергли бы остракизму как человека, стремящегося к дешевым эффектам. В области же психологии действия, как кажется, действует все.

Слова В.Принца (необычайно типичные для современного психолога) были сказаны через 80 лет после того, как стало ясно, что на самом базальном уровне мир не является причинно определенным. Более того, после работ Бергаланфи и Пригожина (которым тоже уже по полвека) ясно и то, что существует огромное множество процессов, в полной мере причинно обусловленных, и тем не менее непредсказуемых. Примерами таких процессов являются климат на Земле, торнадо, сердечный ритм человека и биологическая эволюция. Ни в одном из этих процессов, насколько мы можем судить, свободная воля не участвует, во всяком случае воля человека, а о божественной воле в этой статье речь не идет. Ни квантовая неопределенность, ни нелинейная эмергентность [или «эмерджентность». – Прим. ред.] как таковые поведения человека не объясняют. Но они делают по меньшей мере странным представление о том, что идея свободной воли должна быть отвергнута, *потому что* она несовместима с детерминизмом и научным мышлением. Храмы науки не рухнули с появлением принципа Хайзенберга (W.Heisenberg, В Гейзенберг); развитие теории хаоса не сделало исследовательский процесс более хаотичным, чем он был до этого времени; математическая теория катастроф не привела до сих пор ни один математический факультете к катастрофе. Так, может быть, наука сможет пережить даже человеческую свободу.

Какую свободу? Что мы имеем в виду, когда говорим о свободе, или, пользуясь более психологическим выражением, о произвольности того или иного действия?

Любой поведенческий акт животного или человека выполняет определенную двигательную задачу, например, схватить какой-нибудь предмет, отодвинуть в сторону препятствие, или переместить тело из пункта А в пункт Б. При этом ситуация, соответствующая решению этой задачи (предмет схвачен; препятствие отодвинуто; тело находится в точке Б), возникает *после* того, как действие спланировано и выполнено. Каждое действие, таким образом, направлено в будущее и определено своим будущим результатом. Даже физиологические регуляции направлены в будущее («опережающее отражение», по П.К.Анохину [Anokhin, 1974]). Барорецепторы аорты, например, реагируют не на настоящее, а на антиципируемое повышение кровяного давления [Dworkin & Dworkin, 1990, 1995]. Инсулин начинает работу по снижению сахара крови, когда кусок торта только лишь находится во рту, и пройдут еще

несколько минут, пока питательные вещества начнут проникать в кровь. Каким образом действие может выполнить задачу, находящуюся (по отношению к этому действию) в будущем времени?

Как пишут Latash & Anson [1996], этого можно добиться принципиально двумя путями. Либо контролируя *все*, что происходит во время выполнения двигательной задачи – либо не контролируя *ничего*, кроме самого факта ее выполнения. Они дают пример с дирижером оркестра, состоящего из 100 барабанов, который должен добиться громкости звука в 100 дБ. Он может следить за каждым барабанщиком, давая ему такую задачу, что в результате суммарная громкость всего оркестра достигнет нужной величины; либо он может просто объяснить всем, каким должен быть конечный результат, и тогда каждый барабанщик будет следить за общей громкостью и играть тише, как только эта громкость превысит заданную величину, или громче, как только он слышит, что оркестр играет тише положенного.

Первый способ, при котором исполнительный центр контролирует все параметры действия, имеет целый ряд очевидных преимуществ. Прежде всего, выполнение двигательной задачи при отсутствии непредвиденных помех при этом гарантировано. Кроме того, эта задача выполняется с очень малой, в принципе даже нулевой дисперсией. В противоположном случае, как видно из примера с барабанами, громкость оркестра никогда не будет строго равняться 100 дБ, а будет варьировать в узких пределах вокруг этой величины.

К сожалению, однако, этот способ может применяться только при крайне простых движениях. Причин этого две. Первая заключается в том, что любая двигательная задача описывается гораздо проще, чем она выполняется. Переместить тело из пункта А в пункт Б можно очень большим – практически *бесконечно большим* числом способов. Как показано в классических исследованиях Н.А.Бернштейна еще в 30-е годы [Bernstein, 1967], число биомеханических степеней свободы руки, ноги или лапы зверя во много раз превышает то количество, с которым способен управиться любой исполнительный центр, – и внимательный читатель уже заметил, как бочком и как бы стесняясь механического прилагательного, проскочило в начало этой фразы основное понятие статьи.

Но результат действия зависит не только от мышечных сил, приложенных организмом, но и от внешних сил, действующих на организм во время выполнения действия. Возвращаясь к уже цитированной выше 1-й главе «Мастера и Маргариты», вспомним, что «это лишь полбеда, что человек смертен. Гораздо хуже то, что он внезапно смертен». Выше мы сказали, что каждое действие обращено в будущее. Проблема, по Воланду, заключается в том, что оно обращено в непредвидимое будущее.

На этом месте часто возникает возражение, связанное с понятием вероятностного прогнозирования. Да, мы не знаем будущего и потому, делая шаг, не можем знать *в точности*, какие внешние силы могут повлиять на нас в следующий момент. Но экстраполируя в будущее прошлый опыт, мы можем по крайней мере знать вероятность того, что наше действие приведет к желаемому результату.

Не отрицая того, что такого рода психологические процессы могут иметь место, я тем не менее утверждаю, что с теоретической точки зрения вероятностный аргумент несостоятелен по меньшей мере по двум причинам. Во-первых, вероятность имеет значение только для больших чисел, а жизнь у каждого только одна. В этом смысле вероятностный аргумент напоминает анекдот о враче, который объяснял тяжело больному, что предложенная терапия не имеет смысла, ибо статистика показывает, что положительный эффект достигается всего лишь в 1% случаев. «Я, наверно, морально недоразвит, доктор, – ответил пациент, – но только судьба остальных девяносто девяти меня не очень волнует».

Но дело обстоит еще хуже. На основании прошлого опыта мы знаем не вероятности событий, а только их частоты. На этом основании мы можем лишь оценивать, но не считать, вероятности. Субъективные события, которыми мы оперируем, суть не вероятности, а «правдоподобия», с вероятностями, описываемыми соответствующей математической теорией, они имеют очень мало общего. Например, их сумма совсем не обязательно должна равняться 1. Такого рода в высшей степени приблизительные сущности могут влиять на наше поведение, но, конечно же, не определять его.

Пример свободного действия, приводимый еще Толстым в «Войне и мире»: я захотел поднять руку – и

я поднял ее. Происходит чудо: мои мышцы послушно выполняют все, что я хочу.

Но в зависимости от того, стою я или сижу, стою прямо или нагнувшись, дует ли ветер, одет ли я легкую майку или тяжелую шубу, и от множества других обстоятельств – даже простое поднятие руки выполняется разными способами. Чудо, таким образом, еще больше, чем подозревали современники Толстого: мои мышцы послушно выполняют то, о чем мое Я не имеет ни малейшего представления! Этот результат поразил Бернштейна еще при его первых исследованиях биомеханики ударов молотка по гвоздю. При повторных движениях все меняется – траектории плеча, предплечья, локтя, запястья, кисти – все варьирует диким и непредсказуемым образом, за исключением одного: кончика молотка. Если предположить, что мозг управляет движениями (как, к сожалению, до сих пор предполагают 99,99% неврологов), необходимо, таким образом, прийти к выводу, что мозг посылает свои сигналы, минуя мышцы человека, непосредственно к молотку.

На первых стадиях процесса моторного обучения человек вынужден использовать первый способ контроля: контролировать все, что только можно. Избыточные степени биомеханической свободы подавляются, или, как говорят кинезиологи, «замораживаются» [Vereijken, van Emmerik, Whiting, & Newell, 1992]. Ученик, который пишет свои первые буквы, сковывает все суставы, кроме тех, что абсолютно необходимы для вырисовывания «а». Неудивительно, что после нескольких строчек у него начинают болеть даже не пальцы, а плечи! Почти вся энергия уходит не на действие, а на поддержание несвободы. И действительно, такое движение несвободно хотя бы потому, что даже минимальное, но неожиданное, отклонение от запланированных условий (помеха) приводит к полному разрушению его структуры. С приобретением навыка движения становятся свободными как в механическом, так и в «общечеловеческом» смысле слова [2]. Тот, кто научился писать «а» пером на бумаге, напишет его и мелом на доске (движения плеча, а не кисти!), и большим пальцем ноги на песке. Огромное количество степеней свободы позволяет компенсировать любые непредсказуемые помехи. Свобода действия проявляется в том, что оно сейчас в гораздо большей степени зависит от своей двигательной задачи (написать «а»), чем подчинено конкретной стимуляции в момент начала движения.

Интересно, что в течение многих лет исследования физиологии движений бернштейновская проблема избыточных степеней свободы и проблема компенсации постоянных – и непредсказуемых – помех рассматривались параллельно как две фундаментальные проблемы кинезиологии. Иными словами, необъятность биомеханической свободы тела рассматривалась как проблема, для решения которой предлагались разнообразные теоретические модели. Лишь в последнее время стало ясно, что это не две проблемы, а одна. Как говорил Рональд Рейган, «государство – не решение, а часть проблемы». И наоборот, «бернштейновская проблема» – не проблема, а часть решения [Latash, Gorniak & Zatziorski, 2008; Latash, Scholz & Schöner, 2007].

Пожалуй, нигде эта связь между механическим, с одной стороны, и философско-политическим, с другой стороны, понятием свободы не проявляется так ярко, как в тоталитарном искусстве и близких к нему областях, таких, как реклама или придворная живопись. Достаточно посмотреть несколько образцов советской или национал-социалистической скульптуры: люди изображены в скованных, почти судорожных позах, их движения лишены свободы, и даже если они улыбаются, то это вполне определенная, принудительная улыбка, у них нет другого выбора, кроме как улыбаться именно таким, а не каким-либо иным образом. Исторические лица, короли и диктаторы, изображены не как властители, а как рабы своего статуса, своей социальной роли.

Мы можем теперь подойти к определению основного понятия статьи. Действие свободно в той мере, в какой оно определяется не той (внешней и внутренней) ситуацией (стимуляцией), которая существует к моменту его выполнения, а той будущей (несуществующей, неизвестной) ситуацией (стимуляцией), которая возникнет в результате этого самого действия.

Из этого определения вытекают некоторые любопытные следствия. Во-первых, говоря о «мере», мы, естественно, имеем в виду, что свобода – не бинарная переменная, которая либо есть, либо нет, а нечто вроде континуума. Собственно, эта идея заключалась еще в нашем исходном механическом понятии степеней свободы. Таким образом, мы одним ударом покончили, в частности, с бессмысленной кухонной болтовней о том, действительно ли люди в демократическом обществе свободны или нет, и в чем, вообще, может заключаться «подлинная» (в отличие от какой-то другой,

очевидно, «не подлинной») свобода. На вопросы, поставленные таким образом, нет и не может быть ответа. На вопрос, сформулированный в сравнительной степени (например, свободнее ли люди в Великобритании, чем в Иране), напротив, очень легко дать ответ.

Во-вторых, свобода является необходимым следствием сложности поведения. Действие, превышающее некоторый минимум сложности, либо практически невозможно полностью контролировать и планировать заранее, либо (если этот минимум превышен в незначительной степени, то есть действие все еще достаточно просто) этот контроль, даже будучи технически возможен, энергетически невыгоден. Необходимый для контроля процесс сковывания избыточных степеней свободы (например, «замораживание» плечевого, локтевого и лучезапястного суставов при написании «а» пером на бумаге) консуммирует гораздо больше сил, чем само движение. Энергия же является валютой эволюции, и кто расходует ее больше на то же самое, проигрывает. Свобода выгодна.

В-третьих (как результат второго), ясно, что свобода как таковая не является человеческим изобретением. Впрочем, чтобы убедиться в этом, достаточно понаблюдать за движениями кошки или ястреба. Поведение животных свободно в меру его сложности.

В-четвертых, произвольность движения не является производной от его произвола. Мы даже не нуждаемся в рассмотрении так беспокоившего Вольфганга Принца вопроса о том, возможно ли поведение, не детерминированное вообще ничем. Если и да, оно не является свободным, в соответствии не только с вышеприведенным определением, но и с обыденным здравым смыслом, оспорить который гораздо труднее, чем мое определение. Не только в точки зрения внешнего наблюдателя человек, не имеющий ни малейшего понятия о том, что он совершит в следующий момент времени, не кажется свободным. Он и сам не считает себя таковым. Нечто подобное можно наблюдать при тяжелых нарушениях внимания, а также при тотальной амнезии [Ingvar, 1979; Tulving, 1985].

В-пятых, с чрезвычайно распространенным в психологической литературе определением свободы как внутренней (в противоположность внешней) детерминированности следует обращаться с колоссальной осторожностью. По крайней мере это определение требует большой понятийной работы для дальнейшего определения того, что тут называется «внешним», а что «внутренним» (см., например: [Bentley, 1941; Järvillehto, 2001]). Поскольку у меня нет ни малейшего желания проводить эту работу по спасению чужой идеи, я бы предпочел дать ей спокойно умереть. В обыденном смысле слова «внутренне» детерминированы тик, эпилептические судороги, и в особенности генетические расстройства поведения. Никому не придет в голову называть эти движения свободными или произвольными действиями. С моей точки зрения, все поведенческие акты находятся под влиянием как внешних, так и внутренних факторов. Проблема не в том, «где» эти факторы («стимулы»), а в том, «когда».

Один из наиболее опасных вариантов теории «внутренней детерминации» является идея многократно цитируемой книги Wegner [2002], согласно которой об активности свободной воли можно говорить лишь тогда, когда влияние внешних причин полностью исключено. Нужно ли удивляться, что, исходя из такого подхода к понятию произвольности, автор легко «доказывает», что свободной и сознательной воли не существует. С этой точки зрения, если, собираясь в отпуск на Тенерифе, я не беру с собой лыжные ботинки, мои действия по сбору в отпуск следует считать произвольными. Ведь они находятся под влиянием внешних, независимых от моей воли факторов – климата на Тенерифе. При этом упускается из виду то простое обстоятельство, что климат Тенерифе *не* является *причиной* моего поведения. Если в этом случае вообще можно говорить о причине, то таковой является «двигательная задача» действия – по-видимому, получение удовольствия от отпуска на Тенерифе. Именно по этой причине я упаковываю плавки, а не лыжные ботинки. То же самое действие упаковывания чемодана могло бы иметь и другую задачу, например, доказать моему оппоненту наличие у меня свободной воли, или продемонстрировать моей новой юной знакомой мою эксцентричность. В обоих названных случаях я вполне мог бы (это было бы целесообразно) упаковать на Тенерифе лыжные ботинки, а не плавки.

Наконец, в-шестых (и в самых важных: Last but not least): двигательное действие, не «замораживающее» своих степеней свободы, оставляет, таким образом, большую часть параметров

движения не предопределенными каким-либо двигательным планом – то есть свободными. В этом смысле я согласен с теоретиками (например, [Kelso & Ding, 1993; Turvey, 1990]), утверждающими, что движение можно рассматривать как самоорганизующуюся систему, формирующуюся в ходе его исполнения. Некоторые же параметры («существенные переменные», по выражению Росса Эшби [Ashby, 1960]) должны, тем не менее, контролироваться: в примере с барабанным оркестром это был общий уровень громкости 100 дБ. Следовательно, исполнительный центр, контролирующий движения, должен иметь способность *выбирать*, что именно он контролирует, а что нет. (Поскольку при несвободных движениях исполнительный центр пытается проконтролировать все, что только возможно, способность к выбору не требуется.) Он должен уметь отличать важное от второстепенного, то есть иметь какое-то первичное понятие о *ценностях*. Из современных философов Nicholas Maxwell с наибольшей ясностью указывает на вторичность и производность проблемы «свобода или необходимость» по отношению к проблеме «факт или ценность» [Maxwell, 2001]. Движение есть не только физиологическая модель свободы – оно также модель выбора приоритетов и ценностей.

Иными словами, исполнительный центр должен в любом случае принять на себя какую-то ответственность, поскольку выбор совершается в ситуации неполной определенности. Этот выбор может оказаться и ошибочным. Французский физиолог Vidal [2007] сравнил недавно прямохождение на двух ногах – биомеханическую задачу необычайной сложности – с азартной игрой. Предсказать последствия каждого следующего шага практически невозможно. А тот, кому в голову пришло бы использовать – не только свой мозг, но и самый мощный из имеющихся компьютеров, – чтобы найти алгоритм моторного паттерна, требующегося для поездки на велосипеде до ближайшей булочной, умер бы без хлеба за сотни лет до окончания расчетов.

В этой статье, конечно же, не место рассуждениям о том, что можно назвать *specificum humanum* – того волшебного свойства, которое отделяет человека от животных. Говоря коротко и вынужденным образом поверхностно, естественная история создала уникальную комбинацию трех важнейших качеств – игры, языка и пользования орудиями [3], сочетание которых дало возможность человеку «проигрывать» свои действия в виртуальном пространстве символов, выводя их, таким образом, за пределы текущего момента и давая ему возможность действовать в режиме конъюнктива (если – то), ибо какими бы сложными ни были языки животных, можно ручаться, что ни в одном из них нет частички «бы». Как мы уже установили, свобода возникает не в этот момент, ибо свободные (то есть обладающие большим числом степеней свободы) движения существуют задолго до этого. В этот момент, однако, возникает *проблема* свободы. Животное просто свободно – как сказано выше, в меру сложности своего поведения. В этой свободе оно выбирает двигательные задачи своих действий и ценности, которые оно предпочитает контролировать. Человек же обладает метаспособностью выбора среди регистров свободы. Он, вероятно, единственное существо, которое может стать менее свободным, чем он есть. Единственное, поведение которого может быть менее сложным, чем оно может быть.

Ибо, как мы установили выше, свобода действия заключается в том, чтобы, уменьшив до необходимого минимума число контролируемых параметров, дать возможность остальным параметрам свободно варьировать, гибко приспосабливаясь к требованиям ситуации. Таким образом, свобода, с одной стороны, освобождает мозг животного от колоссальной (более того: никогда и ни при каких условиях невыполнимой) коммутативной нагрузки, с другой же стороны, является причиной нагрузки иного рода – эмоциональной. Для осуществления свободного движения исполнительный центр должен признать невыносимую неопределенность и непредсказуемость мира, свою принципиальную неспособность предусмотреть и проконтролировать все возможные помехи на пути к достижению цели. Он вынужден – иначе невозможно действовать – открыть себя в этот неконтролируемый и никаким расчетам не подчиненный мир и жить в нем.

Если все вышеприведенные рассуждения справедливы, они приводят к выводу, который на чисто вербальном уровне кажется парадоксальным: субъектом свободы является не «субъект». Субъектом свободы является живой организм, встроенный в систему своего взаимодействия со средой. Субъект же в философском смысле слова, то есть картезианское когито, гуссерлианское сознание, если и свободен, то в наименьшей степени. Свобода не в *causa formalis* (и уж подавно не в *causa materialis*), а в *causa finalis* [Rosen, 1985]. Утверждая, что мое действие произвольно, я говорю не том, что мое «я» – единственная причина, обуславливающая это действие, а о том, что я тем самым признаю свою ответственность за это действие, признаю его последствия (то есть ту, выражаясь совсем уж

психологически, «стимуляцию», которой я подвергнусь в результате этого действия) [Dewey, 1925].

Разумеется, специалист по логике мог бы только посмеяться над парадоксом, заключающимся в том, что я способен действовать гораздо успешнее, чем я способен понять, и что, таким образом, я начинаю бояться самого себя, ибо мои способности выходят далеко за пределы моего понимания, я могу гораздо больше, чем я когда-либо могу знать, что я могу – для логика это не более чем задача для первоклассника, так как весь эффект загадочности и парадоксальности этих формул объясняется естественнейшим образом за счет мошеннического употребления понятия «я» в двух разных смыслах, где одно «я» обозначает самоорганизующуюся и самоуправляемую систему организм-среда, центрированную вокруг экзистенциального механизма самоподдержания и саморазвития, а второе «я» относится всего лишь к небольшому фрагменту этой системы, морфологически связанной с деятельностью дорзолатеральной префронтальной коры. Аналогичным образом можно получить множество парадоксов, например «США против США», где в первом случае имеется в виду овальный офис, а во втором – весь американский народ, включая его деловые, финансовые и культурные взаимосвязи со всеми остальными народами мира.

С точки зрения логики, повторяю, эти детские игрушки не представляют ни малейшего интереса. Проблема в том, что мы живем не по логике, и противоречие, возникающее за счет непознаваемости и непредсказуемости жизни, за счет необходимости и (псевдо) парадоксальной успешности действия в среде, которую мы не понимаем, переживается как реальный источник тревоги. Если, как известно со времен Бернштейна, движение не повторяется, и дважды в одну и ту же реку нельзя войти не только потому, что вода утекла, но и в связи с невозможностью воспроизвести двигательный паттерн перехода из воздушной в водную среду – не значит ли это, что даже тот факт, что мы успешно совершали это действие тысячу раз в прошлом, не дает стопроцентной гарантии успеха в 1001-й раз? Я лично был знаком с человеком, высокопоставленным финансистом, который однажды, налив себе стакан воды, попытался отпить глоток и обнаружил, что не может этого сделать – это было первым симптомом бокового амиотрофического склероза, одного из самых загадочных заболеваний, известных медицинской науке, для которого нет лечения, и от которого этот человек спустя четыре года скончался.

Вернемся к нашим баранам: к вопросу о том, почему обыденное (в том числе научное) сознание так жадно хватается, как утопающий за соломинку, за любой аргумент, «доказывающий» отсутствие свободы воли, указывающий на якобы существующее противоречие между представлением о произвольности движения и научным знанием. Свобода противоречит не науке, а определенной картине мира, сформировавшейся на Западе начиная с 17-го и 18-го столетий, но коренящейся, вероятно, в самой природе человека, в его экзистенциальной тревоге. И если древнее орудие преодоления этой тревоги – теорию божественного Провидения – по крайней мере трудно опровергнуть уже в силу того, что Бог по самому определению превышает способности нашего разума, то вариант, предложенный Новым Временем – лапласовский детерминизм, обещавший, по крайней мере в некоем математическом пределе, точное предсказание явлений мира, – должен был бы отвечать критериям рациональности, сформулированным им же самим. Он им не отвечает [Dewey, 1925].

Каждый шаг, сделанный нами на двух ногах; каждый гвоздь, забитый в стену; каждый красивый гол или бросок вратаря; каждый пассаж музыканта-виртуоза; каждое ловкое и точное движение гимнастки или простого столяра [4] убеждают нас в том, что мы должны оставить не только надежду все рассчитать, все познать и действовать на основе строгого, проверенного знания о мире – но и мысль о необходимости строгого расчета и точного знания для адекватного действия. Мы должны отбросить модель рационального поведения, в котором нет бога, кроме расчета, и компьютер – пророк его. Мы должны понять, что мы не должны все понять, чтобы жить.

Литература

Anokhin P.K. Biology and neurophysiology of the conditioned reflex and its role in adaptive behavior / ed. by R.Dartau, J.Epp, V.Kirilcuk. Oxford: Pergamon Press, 1974.

Ashby W.R. Design for a Brain: The origin of adaptive behavior. 2nd ed. London: Chapman and Hall; New

York: Wiley, 1960. Рус. пер.: Эшби У.Р. Конструкция мозга: Происхождение адаптивного поведения: пер. с англ. М.: Изд-во иностр. литературы, 1962. 400 с.

Bentley A.F. The human skin: Philosophy's last line of defence // *Philosophy of Science*. 1941, 8, 1–19.

Bernstein N.A. The coordination and regulation of movements. Oxford: Pergamon Press, 1967.

Bruner J.S. Nature and uses of immaturity // Bruner J.S., Jolly A., Syla K. (Eds.). *Play – its role in development and evolution*. New York: Penguin Books, 1976.

Dewey J. *Experience and nature*. Carbondale IL: Southern Illinois University Press, 1925.

Dworkin B.R., Dworkin S. Learning of physiological responses: I. Habituation, sensitization, and classical conditioning // *Behavioral Neuroscience*. 1990. Vol. 104. P. 298–319.

Dworkin B.R., Dworkin S. Learning of physiological responses: II. Classical conditioning of the baroreflex // *Behavioral Neuroscience*. 1995. Vol. 106. P. 1119–1136.

Erdelyi M.H. The unified theory of repression // *Behavioral and Brain Sciences*. 2006. Vol. 29. P. 499–511.

Frankfurt H.G. Freedom of the will and the concept of a person // *Journal of Philosophy*. 1971. Vol. 68. P. 5–20.

Hodgson D. A plain person's free will // *Journal of Consciousness Studies*. 2005. Vol. 12(1). P. 3–19.

Huizinga J. *Homo ludens: A study of the play-element in culture*. New York: Roy Publishers, 1950.

Ingvar D. "Hyperfrontal" distribution of the general grey matter flow in resting wakefulness: On the functional anatomy of the conscious state // *Acta Neurologica Scandinavica*. 1979. Vol. 60. P. 12–25.

Järvillehto T. Consciousness 'within' or 'without'? Review of Scott Jordan (ed.), 'Modelling consciousness across the disciplines' // *Journal of Consciousness Studies*. 2001. Vol. 8(4). P. 89–93.

Kelso J.A.S., Ding M. Fluctuations, intermittency, and controllable chaos in biological coordination // Newell K.M., Corcos D.M. (Eds.). *Variability and motor control*. Champaign, IL: Human Kinetics Publishers, 1993. P. 291–316.

Latash M.L., Anson J.G. What are "normal movements" in atypical populations? // *Behaviour and Brain Sciences*. 1996. Vol. 19. P. 55–106.

Latash M.L., Gorniak S., Zatziorski V.M. Hierarchies of synergies in human movements // *Kinesiology*. 2008. Vol. 1. P. 29–38.

Latash M.L., Scholz J.P., Schöner G. Toward a theory of motor synergies // *Motor Control*. 2007. Vol. 11. P. 276–308.

Loftus E.F. Creating false memories // *Scientific American*. 1997. Vol. 277. P. 70–75.

Maxwell N. *The human world in the physical Universe*. Rowman & Littlefield, 2001.

Pauen M. *Illusion Freiheit?* 4 ed. Frankfurt-am Main: Fischer, 2004.

Prinz W. Der Mensch ist nicht frei // Geyer C. (Ed.). *Hirnforschung und Willensfreiheit: Zur Deutung der neuesten Experimente*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2004. P. 20–26.

Rosen R. *Anticipatory systems: philosophical, mathematical and methodological foundations*. Vol. 1. Oxford; New York; Toronto; Sydney; Paris; Frankfurt: Pergamon Press, 1985.

Roskies A. Neuroscientific challenges to free will and responsibility // Trends in Cognitive Sciences. 2006. Vol. 10(9). P. 419–423.

Sappington A.A. Recent psychological approaches to the free will versus determinism issue // Psychological Bulletin. 1990. Vol. 108(1). P. 19–29.

Tulving E. Memory and consciousness // Canadian Psychology. 1985. Vol. 26. P. 1–12.

Turvey M.T. Coordination // American Psychologist. 1990. Vol. 45. P. 938–953.

Vereijken B., van Emmerik R.E.A., Whiting H.T.A., Newell K.M. Free(z)ing degrees of freedom in skill acquisition // Journal of Motor Behavior. 1992. Vol. 24(1). P. 133–142.

Vidal P. Introduction // Berthoz A. Emotion and reason. Oxford: Oxford University Press, 2007.

Wegner D. The illusion of conscious will. Cambridge, MA: MIT Press, 2002.

[1] См. роман М.Булгакова «Мастер и Маргарита».

[2] Разумеется, выражение «моторное обучение» абстрактно: обучение не может быть чисто моторным. Рука и мозг ученика научаются извлекать информацию о свойствах пера, бумаги и собственного тела (восприятие). Но поскольку результат процесса проявляется в очевидном приближении двигательного эффекта к некоторому нормативу, можно грубо говорить о «моторном» обучении.

[3] И, как любовь у апостола Павла, важнейшим среди трех, конечно же, является игра, ибо без нее невозможен ни язык, ни употребление орудий (см. [Bruner, 1976; Huizinga, 1950]).

[4] См. стихотворение Осипа Мандельштама "Адмиралтейство":

*...красота – не прихоть полубога,
А хищный глазомер простого столяра.*

Дата публикации 17 февраля 2009 г.

[Сведения об авторе](#)

Кочубей, Борис (Kotchoubey, Boris). Ph.D., Институт медицинской психологии и нейробиологии поведения, Эберхардт-Карлс-Университет Тюбингена, Гартенштрассе 29, 72074 Тюбинген, ФРГ.
E-mail: Boris.kotchoubey@uni-tuebingen.de

[Ссылка для цитирования](#)

Кочубей Б. Воплощенная свобода [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2009. N 1(3). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[К началу страницы >>](#)